

А.А.Манухин

Политическое обновление на фоне экономического кризиса

Взгляд советских дипломатов и ученых на Мексику 1970-х годов

Статья посвящена восприятию политической трансформации в Мексике в 1970-е годы сотрудниками МИД и академическим сообществом СССР. Советские аналитики стремились понять суть доминировавшей на мексиканской политической арене Институционально-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*), а также мотивы, побуждавшие ее к проведению электоральных реформ. В работе показано, что важным объектом исследований было отслеживание возможного усиления противодействия со стороны правых сил национально-реформистскому курсу *PRI*. Появление новых партий, их стремление к объединению поначалу воспринималось скептически, поскольку рассматривалось как приводящее к «распылению прогрессивных сил» и еще большему ослаблению Мексиканской коммунистической партии (*Partido Comunista Mexicano, PCM*). Однако умение *PCM* извлечь выгоду из правительенного курса, провести ревизию собственных установок, сблизиться с другими левыми партиями и общественными организациями постепенно изменили позицию Москвы. В то же время советские наблюдатели несколько преуменьшали политические изменения, произошедшие в Мексике к началу 1980-х годов.

Ключевые слова: Мексика, СССР, Латинская Америка, 1970-е годы, партии, левые, политическая реформа, экономическое развитие.

DOI: 10.31857/S0044748X24120058

Статья поступила в редакцию 22.05.2024.

Кризисные явления 1970-х годов в мировой экономике стали серьезным испытанием для государств Латинской Америки после двух десятилетий стабильного развития в условиях применения методов «десаррольизма». Быстрая «транснационализация» и связанная с ней интенсивная эксплуатация природных ресурсов не способствовали повышению уровня жизни широких слоев населения. Неустойчивая экономическая конъюнктура отражалась на отношениях власти и общества. Правящие круги ряда стран были вы-

Алексей Анатольевич Манухин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (РФ, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а, warcraftdouble@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1907-3459).

нуждены идти на политические преобразования. Эти процессы вызывали обоснованный интерес со стороны СССР как сверхдержавы, заинтересованной в понимании тенденций развития Латинской Америки.

Мексика, вторая экономика континента (после Бразилии), при возрастающей взаимозависимости от США, наличии в стране мощных левых традиций, а также проводившая во многом выгодный для СССР курс на международной арене, была важным объектом внешней политики Москвы. В данной статье рассматривается подход советской дипломатии и академического сообщества к изменениям в мексиканской внутриполитической жизни в 1970-х — начале 1980-х годов (прежде всего, относящихся к избирательному законодательству и расстановке сил между партиями).

Основу источниковой базы составили документы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) из фонда Международного отдела ЦК КПСС за период с 1971 по 1979 г.: политические отчеты и справки посольства СССР в Мехико и записи бесед советских дипломатов. Эти источники, как правило, содержат описание конкретных событий с довольно скучными оценочными характеристиками и выводами, часто отражают точку зрения «надежных» мексиканских «контактов». В то же время они позволяют составить мнение о приоритетных объектах внимания советской стороны. В данной работе использовались исследования советских латиноамериканистов, научно-информационный бюллетень Института Латинской Америки Академии наук СССР, носивший статус «для служебного пользования». В нем публиковались «закрытые» справки и аналитические записки для партийно-государственных органов.

В методологическом плане используются понятия «национальная политическая модель» и «политический режим». Реформы в Мексике рассматриваются как результат рациональной деятельности участников политических процессов, взаимодействия факторов «снизу» и «сверху». В фокусе внимания находится эволюция взгляда советских наблюдателей на проблему сотрудничества левых сил, их объединения для участия в выборах в контексте проводившихся администрациями Луиса Эчеверрии Альвареса (1970—1976 гг.) и Хосе Лопеса Портильо (1976—1982 гг.) реформ по либерализации электорального законодательства.

Автор также учитывает концептуальные установки КПСС, формировавшиеся на конкретном страноведческом материале, но и накладывавшие отпечаток на восприятие и трактовку дипломатами и учеными латиноамериканских реалий. Во второй половине 1970-х годов в качестве оптимальной линии для компартий Латинской Америки (да и всего «третьего мира») стало участие в «единых демократических фронтах» [1]. В странах, где у власти находилась «реформистская» буржуазия (Мексика, Колумбия, Венесуэла), задача местных компартий определялась так: «объединить патриотические и демократические силы, изолировать правые силы и устраниТЬ угрозу государственных переворотов, сохранить и приумножить демократические и социальные достижения народа» [2, с. 127-128]. Это было важно в свете распространения в регионе правоавторитарных режимов и особенно — с учетом опыта трагического итога «мирной социалистической революции» правительства Народного единства в Чили.

Подход СССР к внутриполитическим процессам, происходившим в Мексике в указанный период, до настоящего времени не становился предметом изучения, хотя сама эта трансформация освещалась во многих научных исследованиях. В советской литературе, во многом под влиянием мексиканского левого обществоведения 70-х годов, указанные процессы интерпретировались как ограниченная попытка правящего режима *PRI* отладить инструменты управления массами [3, сс. 257-270, 285-291; 4, pp. 75-110; 5, pp. 16-18; 6, pp. 158-165]. Утверждалось, что реформы не были бы осуществлены без давления на власть со стороны рабочего, крестьянского и студенческого движений [7, с. 75; 8, pp. 287-302; 9].

Роль левых партий оценивалась по-разному. Так, еще видный левый историк А.Кордова указывал, что они уступили общественным движениям инициативу в борьбе с государством за свои права [10, pp. 31-32]. Коммунистическая мексиканская историография, напротив, была склонна описывать деятельность левых партий как решающий фактор, обусловивший успех политической реформы [11, pp. 366-377; 12, pp. 9-11]. Отечественные исследователи подчеркивали, что существенным аспектом были конкретные решения *PCM*. Указывается, что благодаря генеральному секретарю Арнольдо Мартинесу Вердugo (1963-1981 гг.) партия помогла другим левым встать на парламентский путь [7, сс. 105-120; 13, с. 43; 14, сс. 260-261]. Впрочем, высказывалось и мнение о том, что левые партии не стали «понастоящему демократическими» [15, сс. 12-13].

Реформы в Мексике конца 1970-х годов большинство историков называют отражением объективной потребности расширения участия граждан в избирательных процессах. Демократизация представляла собой оборотную сторону начала перехода к неолиберальным методам в экономике в 1980-е годы [16; 17; 18; 19]. Поворот мексиканских левых в сторону социал-демократии и еврокоммунизма вписывался в региональную и общемировую тенденцию [20, pp. 287-294; 21, pp. 30-44; 22, pp. 145-158].

ПОЗИЦИИ СССР В МЕКСИКЕ К НАЧАЛУ 1970-Х ГОДОВ

Дипломатические отношения Советского Союза и Мексики были установлены в 1924 г., однако в 1930 г. мексиканская сторона пошла на разрыв под предлогом вмешательства СССР во внутренние дела страны по линии Коминтерна. С восстановлением отношений в 1942 г. поступательно нарастало продуктивное взаимодействие. Условия для деятельности советских представителей в контексте холодной войны в Мексике были значительно более благоприятные, чем в других крупных странах Латинской Америки. В 1959 г. для участия в церемонии открытия выставки советских достижений в сфере науки, техники и культуры Мексику посетил первый заместитель председателя Совета министров СССР Анастас Иванович Микоян. Мексиканская «доктрина Хенаро Эстрады» о невмешательстве в дела других государств во многом соответствовала провозглашенному на XX съезде КПСС 1956 г. курсу на мирное сосуществование [23, с. 58]. Это способствовало совпадению позиций двух стран по глобальным и региональным вопросам. Так, Мехико вопреки давлению Вашингтона сохранил дипломатические отношения с революционной Кубой.

В СССР внимательно изучали особенности социально-экономического уклада Мексики в период правления *PRI*, которая с 1929 г. являлась стержневым элементом национальной политической системы, позиционируя себя как хранителя заветов мексиканской революции 1910—1917 гг. *PRI* контролировала пролетариат и крестьянство через Конфедерацию трудящихся Мексики (*Confederación de Trabajadores de México, CTM*) и Национальную крестьянскую конфедерацию (*Confederación Nacional Campesina, CNC*). Мексиканская буржуазия характеризовалась как крайне неоднородный класс, внутри которого трудно провести разделение на «национальную» и «компрадорскую» группы, поскольку они зависели от партийно-государственной бюрократии [24, сс. 15-28, 34-55, 91-106]. Партийно-бюрократический аппарат *PRI* манипулировал федеральными и местными выборами, не допуская оппозицию к власти.

Из всех мексиканских партий Москва поддерживала наиболее тесные контакты с *PCM* и Социалистической народной партией (*Partido Popular Socialista, PPS*). *PCM*, старейшая компартия континента (основана в 1919 г. и заново воссоздана в 1921 г.), поддерживала эпохальные социальные реформы президента Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.). Пережив несколько расколов, с 1951 г. она была лишена официальной регистрации. Попытки укрепить позиции в среде пролетариата за счет взаимодействия с массовыми забастовочными движениями железнодорожников и учителей в 1958—1959 гг., участия в популистском Движении национального освобождения (*Movimiento de Liberación Nacional, MLN*, 1961—1964), Народном избирательном фронте (*Frente Electoral del Pueblo, FEP*) не приносили особых успехов. Вместе с тем изменение состава руководства *PCM* в конце 1950-х годов дало толчок развитию в ней плюрализма [11, pp. 283-319; 14, с. 261; 20, pp. 206-224].

PCM представляла собой надежного союзника КПСС в рамках международного коммунистического движения. В условиях советско-китайского раскола, а также расхождений между СССР и Кубой по вопросам национально-освободительной борьбы в Латинской Америке мексиканцы оказали немалую поддержку Москве. В то же время ЦК *PCM* выразил «глубокое сожаление» по поводу ввода войск государств — членов Организации Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г. и призвал к их скорейшему выводу. На данный эпизод в советских дипломатических и партийных документах ссылались как на пример «ошибок» *PCM*. С тех пор во внешнеполитической линии мексиканской компартии все больше проявлялись тенденции еврокоммунизма [25, pp. 12-19].

PPS была основана в 1948 г. ветераном мексиканского рабочего движения Висенте Ломбардо Толедано, которого после его смерти в 1968 г. сменил Хорхе Круикшанк Гарсиа. *PPS* и вышедшая из ее состава в 1954 г. Подлинная партия мексиканской революции (*Partido Auténtico de la Revolución Mexicana, PARM*) обладали легальным и парламентским статусом. *PPS* была «марксистско-ленинской» партией и неизменно выступала с просоветских позиций по международным вопросам, отличалась ярко выраженной антиамериканской риторикой. В конгрессе и на президентских выборах народные социалисты выступали за демократизацию политической жизни в стране, однако поддерживали основные инициативы правящей партии. Руководство *PPS* ревниво оберегало свой статус «главной левой силы», противилось сближению с

коммунистами, за что получило в СССР клеймо «оппортунистов» [26]. Основной огонь критики PPS был направлен на правую Партию национального действия (*Partido Acción Nacional, PAN*) как на проводника интересов США «фашистского» толка.

Общественно-политический климат в Мексике к началу 1970-х годов во многом находился под влиянием событий 2 октября 1968 г. Тогда армейские подразделения расстреляли участников студенческих демонстраций в столичном районе Тлателолко. Президент Густаво Диас Ордас (1964—1970 гг.) пытался использовать ЦК РСМ в качестве посредника на переговорах, обещая взамен восстановить коммунистов в избирательных правах, однако влияние последних в Национальном забастовочном комитете было невелико. Тлателолко придал импульс и леворадикальным силам, исповедовавшим идею вооруженного захвата власти. В разных районах страны возникли сельские и городские герильи, на которые правительство ответило «грязной войной». Жертвами пыток и убийств становились коммунисты, народные социалисты и беспартийные, профсоюзные и крестьянские активисты [20, pp. 260-273; 21, pp. 10-11].

Кампания по борьбе с леворадикалами сказалась и на советско-мексиканских отношениях. В марте 1971 г. генеральная прокуратура Мексики арестовала два десятка членов Движения революционного действия (*Movimiento de Acción Revolucionaria, MAR*), некоторые из которых ранее обучались в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы в Москве и оттуда ездили в КНДР, где проходили военное обучение. Под предлогом оказания консульского содействия этим мексиканским гражданам в подготовке «подрывной деятельности» и вмешательства во внутренние дела Мексики пять советских дипломатов были объявлены «персоной нон грата» [27, pp. 429-437].

Примечательно, как в советском посольстве интерпретировали данную акцию: «Решение правительства Мексики провести не было широкую по своему размаху враждебную Советскому Союзу пропагандистскую кампанию...должно быть объяснено стремлением мексиканской правящей буржуазии, экономические и политические интересы которой в значительной степени “ассоциировались”, слились с интересами империалистических монополий США, окончательно определить свое место на стороне Соединенных Штатов перед лицом надвигающейся на Мексику и уже захватывающей ее волны освободительного движения в Латинской Америке (подчеркнуто в оригинале. — А.М.)». В таком ключе трактовалась программа правительства Л.Эчеверрии по «мексиканизации» иностранных предприятий, предоставлявшая прежним собственникам возможность создавать новые монополистические объединения на более выгодных условиях [28, лл. 66-68]. Авторы доклада утверждали, что правящая элита «пошла на самоопределение», встав на сторону американского империализма. Предполагалось, что при Эчеверрии мексиканский режим будет двигаться в сторону открытой диктатуры президентской власти. Признаком этой тенденции назывались события на Тлателолко 1968 г., за которые президент, занимавший тогда пост министра внутренних дел, нес личную ответственность [28, лл. 70-73].

В данном случае налицо были абсолютизация и переоценка как моцчи латиноамериканского революционного движения, так и возможностей

США влиять на политику Мексики. Реформистский курс Эчеверрии углублялся. Активнее проводилась «мексиканизация» в промышленности, а с целью улучшения условий жизни рабочих был создан Национальный институт жилищного фонда для трудящихся (*Instituto Nacional del Fondo de la Vivienda para los Trabajadores, INFONAVIT*). До 40% инвестиций направлялись на нужды государственных предприятий, было распределено 6,2 млн га земель между 109 тыс. крестьянских семей. В девять раз выросли ассигнования на нужды науки. В то же время рост налогов и финансирование нерентабельных госпредприятий вызывали недовольство предпринимателей. Монополистические объединения и *PAN* стали обвинять правящий кабинет в «социалистическом уклоне» [3, сс. 8-12].

Мехико не стремился к конфронтации с Москвой. В апреле 1973 г. Л.Эчеверриа нанес официальный визит в СССР, в ходе которого были подписаны пропагандируемая Мексикой в ООН «Хартия экономических прав и обязанностей государств», совместное коммюнике о принципах торговли и льготных кредитах на десять лет. Мексика установила дипломатические отношения с восточноевропейскими социалистическими странами (ГДР, Болгарией, Венгрией и Румынией), стала более последовательно выступать в защиту Кубы, получила статус наблюдателя в Движении неприсоединения. После свержения Сальвадора Альенде (1970—1973 гг.) в Чили в сентябре 1973 г. правительство Эчеверрии разорвало дипломатические отношения с Сантьяго, предоставило убежище чилийской политической иммиграции и сформировало Национальную комиссию по расследованию преступлений военной хунты Аугусто Пиночета. Все это работало на укрепление «левого» имиджа администрации в глазах мексиканских граждан [29].

Внутреннее сопротивление экономическому курсу Эчеверрии побуждало советских дипломатов обращаться к вопросу об устойчивости его положения. Со ссылкой на представителей руководства *PPS* утверждалось, что американские корпорации и мексиканская «олигархия» финансируют гешильи, в частности, *MAR*, Коммунистическую лигу им. 23 сентября (*Liga Comunista del 23 de septiembre, LC23s*) и Силы национального освобождения (*Fuerzas de Liberación Nacional, FLN*) с целью организации провокаций против правительства и умеренных левых [30, лл. 16-25]. Часто подобные слухи распространялись среди левых мексиканскими силовыми структурами [31, р. 195]. В отчетах посольства эти слухи приобретали вид стройной логической цепочки процесса дестабилизации обстановки в Мексике извне в союзе с местной «реакцией».

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ФРОНТА

В первой половине 1970-х годов партийно-бюрократическая элита *PRI* столкнулась с доселе невиданной ситуацией: количество голосов, поданных за нее в избирательных процессах 1970 и 1973 гг., уменьшалось, а электоральные результаты практически не изменились. Тотальный контроль правящей партии над избирательным процессом и система из четырех зарегистрированных партий (*PRI, PAN, PPS, PARM*) не только не позволяли увеличить явку, но и все больше подрывали доверие к институту выборов. Правительство Эчеверрии в 1974 г. поделило страну на новые

избирательные округа, снизило порог голосов на выборах, необходимый для получения представительства в конгрессе, ввело возрастные ограничения для депутатов и сенаторов [4, pp. 49-54].

Гибкость политики *PRI* способствовала формированию новых политических партий. В 1974—1976 гг. в результате деятельности Национального организационного комитета (*Comité Nacional Organizador, CNO*) в составе участников студенческого движения 1968 г. появились Мексиканская партия трудящихся (*Partido Mexicano de los Trabajadores, PMT*) Эберто Кастильо и Деметрио Вальехо, Социалистическая партия трудящихся (*Partido Socialista de los Trabajadores, PST*) Рафаэля Таламантеса и Движение социалистических действий и единства (*Movimiento de Acciones y Unidad Socialista, MAUS*) Мигеля Анхеля Веласко. В результате расколов в *PPS* возникло Движение социалистических организаций (*Movimiento de Organizaciones Socialistas, MOS*), которое позднее трансформировалось в Революционную социалистическую партию (*Partido Socialista Revolucionario, PSR*) во главе с Роберто Харамильо. После слияния Социалистической лиги (*Liga Socialista, LS*) и других троцкистских групп была образована Революционная партия трудящихся (*Partido Revolucionario de los Trabajadores, PRT*). Наконец, из клерикального Национального союза синарquistов (*Unión Nacional Sinarquista, UNS*) выделилась Мексиканская демократическая партия (*Partido Demócrata Mexicano, PDM*) [21, pp. 35-72].

В советском посольстве признавалась важность встречи делегации ЦК *PCM* с Л.Эчеверрией 10 октября 1974 г., на которой в принципиальном смысле было достигнуто соглашение о прекращении взаимных огульных обвинений в публичном пространстве, внесудебного преследования коммунистов, их допуск к СМИ. Как положительный момент рассматривалось включение представителей *PCM* в состав Национальной комиссии по расследованию преступлений чилийской хунты, что укрепляло международные контакты компартии. Впрочем, участившееся обращение президента и высших чиновников к риторике «национального единства» и важности наличия политической оппозиции считалось традиционной демагогией *PRI* [30, лл. 23-25, 73].

Процесс возникновения новых партий оценивался скептически. Главной его причиной считалась присущая мексиканским левым тенденция к постоянному дроблению. Так, со ссылками на генсека *PPS* Х.Круикшанка *PST* и *PDM* характеризовались как «сборища представителей крупной буржуазии, троцкистов и других фракционеров», ранее изгнанных из *PPS* и *PCM* [32, лл 33, 36]. Отмечалось, что *PST* намеревалась «перехватить» избирателей *PPS* и громче всех критиковала коммунистов за «безответственность» в связи с обструкцией, которую Эчеверрия устроили студенты Национального автономного университета Мексики 14 марта 1975 г. ЦК *PCM* якобы не помешал подготовке «экстремистами» враждебных выпадов против президента, которого коммунисты отговаривали посещать высшее учебное заведение [32, лл. 12-13, 35-37].

На пленуме в октябре 1974 г. ЦК *PCM* сформулировал призыв к созданию единой партии. Соответствующее предложение было направлено в аффилированные с *PRI* общественные организации, всем независимым

умеренным левым силам, повстанческому движению Партия бедных (*Partido de los Pobres*) во главе с Лусио Кабаньясом, членам которого компартия нередко помогала избегать преследования властей. Данный шаг «открывал новую область политической деятельности» *PCM* и мог «способствовать росту ее авторитета», но дипломаты справедливо прогнозировали, что в конечном счете *PPS* не пойдет на объединение с коммунистами, так как следует интересам *PRI* [32, лл. 23-25].

Схожие оценки выносились и экспертами-латиноамериканистами. Так, Ю.И.Визгунова отмечала, что вследствие «сектантства» *PCM* «демократизация в Мексике происходит в значительной степени снизу». Наиболее эффективными общественными силами Мексики называлось движение за освобождение политзаключенных, добившееся отмены статьи 145 Уголовного кодекса «О подрыве общественного порядка», Национальный центр студентов-демократов (*Central Nacional de Estudiantes Demócratas, CNED*), и Единый профсоюз трудящихся-электриков мексиканской республики (*Sindicato Único de Trabajadores Electricistas de la República Mexicana, SUTERM*) во главе с Рафаэлем Гальваном. В этих условиях «авангардная роль» *PCM* связывалась с «гибкостью тактики» компартии и ее «умением своевременно сменить лозунг» [33, сс. 67-68, 71-76, 88].

Процесс сближения мексиканских левых партий носил объективный характер. На XVII съезде компартии (апрель 1975 г.) было покончено с тактикой бойкота выборов. Был отмечен рост количества членов партии на 47% по сравнению с предыдущим съездом (до 4,5 тыс. человек). ЦК *PCM* летом 1975 г. призвал своих членов и симпатизирующих голосовать за кандидатов *PPS* на выборах губернатора штата Наярит [11, pp. 358-359]. Главным итогом стало обсуждение с другими левыми партиями вопроса о поиске общего кандидата в президенты на выборах 1976 г. *PCM, LS, MOS* и *MAUS* договорились о выдвижении Валентина Кампы, ветерана забастовочного движения железнодорожников. *PMT* и *PST* воздержались от участия в избирательной кампании. Кандидатура В.Кампы не была утверждена Федеральной избирательной комиссией (*Comisión Federal Electoral, CFE*) министерства внутренних дел, поскольку у *PCM* не было официальной регистрации. Тем не менее, по оценкам самой компартии, на выборах 4 июля 1976 г. за В.Кампу путем «вписывания» был отдан 1 млн голосов (около 6%) [7, с. 101]. *PAN* из-за внутренних разногласий не смогла согласовать кандидатуру своего претендента, *PPS* и *PARM* поддержали министра финансов Х.Лопеса Портильо, который даже формально не имел соперников. Слова члена исполкома ЦК *PCM* Хоше Энкарнасьона Переса о том, что выборы свидетельствовали о росте запроса общества на «левую альтернативу» отнюдь не были преувеличением [34, с. 27].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1977—1978 ГОДОВ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

К середине 1970-х годов кризис мексиканской экономики углубился, росла инфляция (с 5,3% в 1971 г. до 30% к середине десятилетия) при падении прироста ВВП (с 6,9 в 1970 г. до 1,9% в 1976 г., самый низкий показатель почти за четверть века). В ответ на повышение налогов частный бизнес вывел за рубеж к 1976 г. около 10 млрд долл. Внешний долг страны с 1970 по 1976 г. увеличился с 3,8 до 20 млрд долл. Новый президент

Х.Лопес Портильо объявил переход к тактике «союз ради производства», которая предусматривала поддержку частного бизнеса при условии, что он будет осуществлять масштабные капиталовложения внутри страны. Сокращались траты на бюрократический аппарат и отменялись налоги на малоимущих [1, сс. 152-157].

Экономические трудности сказывались и в политической сфере. Всеобщие выборы 4 июля 1976 г. показали, что abstенционизм мексиканцев возрастал. Из 22 млн избирателей 8 млн не пришли голосовать. В ответ на эти тенденции Лопес Портильо в инаугурационной речи предложил установить «перемирие» между предпринимателями, рабочими и государством. Он также обратился к «экстремистам» с призывом направить свое «стремление к справедливости» в конструктивное русло, пообещав, что «стремление к обеспечению безопасности» не будет означать «оправдание несправедливости» [35].

В марте 1977 г. министр внутренних дел Хесус Рейес Эролес анонсировал проведение конституционной реформы. Текущий момент он трактовал как решающий для судьбы мексиканской нации: «Политическая реформа не является самоубийством правительства, но ясно, что с существующей демократией мы не сможем жить» [1, сс. 284-285, 295]. Законопроект «О политических партиях и избирательных процессах» (*Ley de Organizaciones Políticas y Procesos Electorales, LOPPE*), внесенный в конгресс в октябре и принятый в декабре 1977 г., предусматривал изменение 17 статей Конституции. Закреплялся статус партии как постоянного субъекта политического процесса; палата депутатов формировалась из 300 членов, избираемых по принципу относительного большинства, и 100 — пропорционального представительства; открывалась возможность оспорить результаты выборов в Верховном суде; вводился аудит расходов на политическую деятельность. Устанавливались два способа получения партией официальной регистрации: в случае предоставления списков не менее 65 тыс. членов или преодоления на выборах барьера в 1,5% голосов [36].

Дополнительным шагом правительства по смягчению политики в отношении левых сил стало издание в сентябре 1978 г. закона об амнистии. Центральный посыл документа заключался в том, чтобы «инкорпорировать радикальных диссидентов в общенациональную жизнь» [37]. Правительство на фоне реформы всячески подчеркивало анахронизм левого радикализма. В то же время примирительная риторика не означала полного отказа от репрессий: так, в 1977—1979 гг. прошли военно-полицейские операции по разгрому *LC23s*, руководство которой отвергло легализацию и амнистию, продолжая захватывать заложников и осуществлять экспроприации [38, pp. 162, 170-173].

Контакты между правительством и коммунистами в связи с их избирательным статусом были особым предметом внимания в отчетах посольства. Подчеркивалось, что Х.Рейес Эролес дал генсеку А.Мартинесу Вердugo гарантии возможностей проведения съезда партии в легальных условиях. Советские представители передавали, что коммунисты называли положения проекта политической реформы очень выгодными для левых партий, особенно предусмотренные два метода легализации (сбор подписей или завоевание голосов на выборах) [39, лл. 49, 53].

В мае 1977 г. XVIII съезд *PCM* впервые более чем за десять лет прошел в легальных условиях и с участием делегаций компартий из социалистиче-

ских стран. В итоговых документах констатировалось, из-за «обострения борьбы в буржуазном лагере» в Мексике возможно создание единой «массовой партии рабочего класса» [40, pp. 45-51]. Мартинес Вердugo критиковал выдвижение правительством количественных критериев для регистрации партий, сочетание пропорционального и мажоритарного представительства. Среди заслуживающих включения в политическую жизнь социальных категорий он называл духовенство и вооруженные силы [41, pp. 135-160]. В Международном отделе ЦК КПСС обратили внимание на заявление генсека на пленуме ЦК *PCM* в сентябре 1977 г.: «Нынешняя политическая реформа — не то, что мы хотим, но она открывает путь для будущей борьбы». Данная фраза была особо подчеркнута в тексте доклада [39, лл. 72, 85].

Между *PCM*, *PSR*, *PMT* и так называемой демократической тенденцией профсоюза электриков (*Tendencia Democrática del SUTERM*) прошли переговоры о создании единой политической партии. Важным рубежом стало преобразование в сентябре 1977 г. «диссидентов» в рядах национальных социалистов во главе с Александро Гасконом в Партию мексиканского народа (*Partido del Pueblo Mexicano, PPM*) численностью около 300 тыс. членов. Данная партия оценивалась как очень перспективная с точки зрения объединительных процессов. Отмечалась ее заинтересованность в установлении прямых связей с КПСС и компартией Кубы. Центральные комитеты *PCM*, *PPM* и *PSR* приняли решение о создании комитетов единства в центре и на местах. Компартия брала на себя теоретическую подготовку членов левых организаций в своей партийной школе. Ождалось, что тем самым удастся резко увеличить их численность и собрать до 100 тыс. подписей для регистрации [39, лл. 88-89, 114]. Советские дипломаты констатировали, что позиция *PCM* по отношению к законопроекту *LOPPE* была наиболее pragматической. Так, *PPM* отказалась присоединиться к заявлению *PCM* и *PSR* в его поддержку, а *PMT* охарактеризовала его как «реакционный» [39, лл. 124-125].

В посольстве обращали внимание на то, что политическая реформа готовится на фоне внутренней борьбы в верхушке *PRI*, где «центрристское» крыло партии, олицетворяемое самим президентом, Хесусом Рейесом Эролесом, спикером палаты депутатов Родольфо Гонсалесом Геварой борется с левыми сторонниками экс-президента Эчеверрии. При этом наблюдалась активизация правых функционеров (генеральный прокурор Оскар Флорес Санчес и министр труда Педро Охеда), известных своими проамериканскими взглядами. Существовали веские основания полагать, что на них делали ставку спецслужбы США, опасавшиеся усиления влияния коммунистов в Мексике в результате реформы и надеявшиеся затормозить ее проведение [39, л. 24]. Дипломаты старались установить, не вызовут ли перестановки в правящем кабинете и судебные преследования по обвинению в коррупции лиц, близких к Эчеверрии, «резкий крен вправо» [39, лл. 96-97].

В ослаблении «центрристов» Москва не была заинтересована. В мае 1978 г. в разгар проведения реформы состоялся визит Х.Лопеса Портильо в СССР, в ходе которого был подписан Дополнительный протокол к Договору Тлателолко 1967 г. о безъядерной зоне в Латинской Америке, достигнуты договоренности о сотрудничестве в сфере морских перевозок, энергетики и горнодобывающей промышленности. Как представляется, неслучайно

в заметке в газете «Правда» цитировались положения нового устава *PRI* о борьбе с монополиями и намерении расширить социальные гарантии, утвержденные на съезде партии в августе 1978 г. [42]. В марте 1979 г. ЦК КПСС принял приглашение исполнительного комитета *PRI* об отправке в Мексику делегации на торжества в г. Керетаро по поводу 50-летнего юбилея «партии революции» [43, лл. 6-10, 16].

В мае 1978 г. путем сбора подписей *PCM*, наряду с *PST* и *PDM*, получила от *CFE* «условную» регистрацию. На выборы в конгресс 1 июля 1979 г. выдвинулся блок, сформированный *PCM* и примкнувшими к ней *PSR*, *PPM*, и *MAUS*, которые не добились регистрации. *PCM* набрала 703 тыс. (4,87%) голосов избирателей, тем самым, по условиям *LOPPE*, получив право на официальный статус. В палате депутатов левая коалиция сформировала фракцию из 18 членов во главе с Мартинесом Вердуро. *PST* и *PDM* получили каждая по 10 депутатских мандатов. Результат был знаменательным на фоне снижения количества голосов за *PRI* на 26,8%, *PPS* на 18,7% и *PARM* на 26,1% [44, pp. 80–82]. Появление блока легальных левых партий в Мексике пользовалось пропагандистской поддержкой СССР. Советские корреспонденты подчеркивали контраст между «настоящими» прогрессивными силами (*PCM*, *PSR*, *PPM*, *MAUS*) и «декоративной» парламентской оппозицией (*PPS*, *PARM*) [45].

После триумфального дебюта на выборах генеральный секретарь *PCM* А. Мартинес Вердуро, председатель *PSR* Р. Харамильо, глава *PPM* А. Гаскон и лидер *MAUS* М.А. Веласко поделились с сотрудниками посольства планами на будущее в качестве парламентской оппозиции. Не питая иллюзий по поводу своих возможностей ослабить хватку *PRI* в стратегических вопросах государственного управления, они делали акцент на «моральную» победу над системой. Ключом к входению в большую политику члены коалиции видели сотрудничество с *PPS* и *PST*, подталкивание этих партий к объединению, а также плотное взаимодействие с «либералами» в рядах партии власти [43, лл. 23-27].

Советские латиноамериканисты понимали, что в политической жизни Мексики наступил переломный этап. Поначалу предполагалось, что администрация Лопеса Портильо будет повышать авторитет *PRI* внутри страны, восстанавливать единство в ее рядах методами экономической политики и «суверенной» дипломатии [46, сс. 156-157]. В 1977 г. в специальном выпуске о Мексике журнала «Латинская Америка» были опубликованы мнения мексиканских политических деятелей, ученых и публицистов о траектории развития страны. Среди респондентов были Мартинес Вердуро и Круикшанк, председатель *PAN* Мануэль Инахоса. По большей части респонденты затрагивали экономическую и международную проблематику. Однако все они в той или иной степени высказались за обновление «отживших» принципов отношений государственной власти и общества [47, сс. 145, 151, 154-155]. Приводилась и позиция правящей элиты. Министр внутренних дел Рейес Эролес назвал конституционную реформу средством использовать «плюралистические проявления сложной мозаики политических и идеологических течений» для объединения нации ради восстановления экономики, а не следствием кризиса политической системы [48, сс. 154-155].

В целом исследователи говорили о неспособности *PRI* играть роль «надклассовой силы» так же успешно, как прежде [49, с. 127]. Эчеверриа пытался «спровоцировать массовое народное движение» ради обновления системы, но натолкнулся на ожесточенное сопротивление буржуазии. Для Лопеса Портильо — «представителя более молодой, космополитичной части мексиканского правящего класса» — конституционная реформа стала дополнением технократических методов в экономике: опоры на частный бизнес, оптимизации государственных расходов по рекомендациям Международного валютного фонда [50, сс. 30-34]. Примечательно, что сам закон *LOPPE* трактовался как новый механизм вмешательства государства в дела оппозиции через контроль над регистрацией партий и выделение им материального обеспечения [51, сс. 67-69]. Закон об амнистии, хотя бы формально перевернувший страницу «грязной войны», практически не упоминался.

Благодаря политической реформе сложилась новая расстановка сил между партиями. *PRI* заняла центр, справа находились *PAN*, *PARM* и *PDM*. Левый фланг был представлен калейдоскопом идеиных течений, которые все же тяготели к объединению. На XIX съезде *PCM* в марте 1981 г. произошла замена понятия «марксизм-ленинизм» на формулировку «демократическая рабочая власть». Это ознаменовало завершение перехода партии на позиции еврокоммунизма, что, по мнению исследователей, уже считалось в Москве неизбежным [25, р. 27]. На XX съезде *PCM* в ноябре 1981 г. было принято решение о соединении с *PPM*, *PSR*, *MAUS* и Движением народного действия (*Movimiento de Acción Popular*, *MAP*). В результате возникла Объединенная социалистическая партия Мексики (*Partido Socialista Unificado de México*, *PSUM*), которая выдвинула А.Мартинеса Вердugo кандидатом на президентских выборах 1982 г.

Проведенное исследование отражает убежденность представителей МИД СССР и академических кругов в том, что «конституционно-авторитарный режим» в Мексике хорошо адаптировался к различным вызовам. В Москве постепенно постигали природу инструментов власти *PRI*, сочетание «договорных» и репрессивных элементов в ее отношениях с левыми партиями и общественными движениями. Будучи заинтересованными в сохранении у власти «конструктивных» сил правящей партии по внешне-политическим соображениям, советские партийные деятели и дипломаты старались оценить влияние экономического кризиса на стабильность мексиканских администраций. Постоянным предметом заботы было изучение социальной природы отдельных группировок *PRI*, прежде всего, с точки зрения выявления угрозы справа.

Несмотря на высокий уровень информированности о новых левых организациях Мексики, отношение к ним дипломатов и ученых неизбежно формировалось под влиянием идеологических клише. Попытка образовать единую «партию трудящихся» поначалу казалась авантюрией, создававшей угрозу, при которой дружественные СССР силы подпадали под «чуждо» влияние. Кроме того, эта попытка могла сплотить «реакцию». В первой половине десятилетия главной задачей в Москве считали поддержку слабой компартии. С середины 1970-х годов отношение к мексиканскому ле-

вому движению изменилось. *PCM* доказала способность к внутренней перестройке и смогла обрести союзников для объединительного процесса, другие левые партии и движения также стали трактоваться менее однобоко. Сближение коммунистов с различными по происхождению и идеологическим оттенкам «прогрессивными» силами также отвечало официальным установкам Москвы о целесообразности вхождения левых коалиций в институты власти.

В открытых публикациях признавалось значение электоральных преобразований в Мексике, однако, как представляется, их возможные последствия для будущего страны все же недооценивались. Утверждения, что *PRI* не была готова по-настоящему уступать власть, были во многом объективными. Тем не менее частое употребление самого слова «реформа» в кавычках (наряду с неизменным добавлением эпитета «буржуазная») едва ли было оправдано. Интереснейший период трансформации мексиканской национальной политической модели представлял как вынужденный маневр режима, отягощенного зависимым положением в международном капиталистическом разделении труда.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Коммунисты в борьбе за демократическое единство: международный научно-теоретический симпозиум. *Проблемы мира и социализма*. Прага, 1975, № 8, сс. 44-63 [Kommunisty v bor'be za demokraticheskoe edinstvo: mezhdunarodnyj nauchno-teoreticheskij simpozium [Communists in the Struggle for Democratic Unity. An International Scientific and Theoretical Symposium]. *Problemy mira i socializma*. Prague, 1975, N 8, pp. 44-63 (In Russ.).]
2. Великий Октябрь и коммунистические партии Латинской Америки (отв. ред. М.Ф. Кудачкин). М., Наука, 1978, 224 с. [Velikij Oktjabr' i kommunisticheskie partii Latinskoy Ameriki (otv. red. M.F.Kudachkin) [The Great October and the Communist Parties of Latin America]. Moscow, Nauka, 1978, 224 p. (In Russ.).]
3. Мексика: тенденции экономического и социально-политического развития (отв. ред. В.В. Вольский). М., Наука, 1983, 389 с. [Meksika: tendencii jekonomiceskogo i social'nopoliticheskogo razvitiya (otv. red. V.V.Volskiy) [Mexico: Trends of Economic and Socio-Political Development]. Moscow, Nauka, 389 p. (In Russ.)]
4. Rodríguez Araujo O. La reforma política y los partidos en México. México, Siglo XXI, 1987, 353 p.
5. Stavenhagen R. Reflexiones sobre el proceso político actual. *Nueva política*. México, 1976, vol. 1, N 1, pp. 15–23.
6. González Casanova P. El Estado y los partidos políticos en México. México, Ediciones Era, 1986, 257 p.
7. Бизгунова Ю.И. Рабочий класс в освободительном движении Мексики. М., Наука, 1989, 141 с. [Vizgunova Ju.I. Rabochij klass v osvoboditel'nom dvizhenii Meksiki [Labor in Mexico's Liberation Movement]. Moscow, Nauka, 1989, 141 p. (In Russ.).]
8. Fernández Christlieb P., Rodríguez Araujo O. La clase obrera en la historia de México: en el sexenio de Tlatelolco (1964–1970). México, Siglo XXI, 1985, 389 p.
9. Condés Lara E. Represión y rebelión en México (1959–1985). En 3 tomos, t.2. México, Ediciones Porrua – BUAP, 2007, 837 p.
10. Córdova A. La política de masas y el futuro de la Izquierda en México. México, Ediciones Era, 1979, 131 p.
11. Historia del comunismo en México (Comp. Arnoldo Martínez Verdugo). México-Barcelona-Buenos Aires, Grijalbo, 1985, 501 p.
12. Peláez Ramos G. Partido Comunista Mexicano: su historia electoral. *Socialismo*. México, 1989, N 3–4, pp. 1-13.

13. Визгунова Ю.И. Он изменил лицо мексиканской левой. *Латинская Америка*. М., 2013, № 10, сс. 39-49 [Vizgunova Ju.I. On izmenil lico meksikanskoy levo [He Changed the Look of the Mexican Left]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2013, N 10, pp. 39-49 (In Russ.)].
14. Хейфец В.Л. Бесконечный лабиринт: куда ведет реконфигурация мексиканских левых сил. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2019, № 22, сс. 256-288 [Jeifets V.L. Beskonechnyj labirint: kuda vedet rekonfiguracija meksikanskih levyyh sil [Endless Labyrinth: Where Does the Reconfiguration of the Mexican Left Lead]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manakh*. Moscow, 2019, N 22, pp. 256-288 (In Russ.)].
15. Лобер В.Л. Фактор демократизации в формировании современной модели социально-экономического и политического развития Мексики. Диссертация на соискание научной степени доктора политических наук. М., Российской академия управления, 1992, 467 с. [Lober V.L. Faktor demokratizacii v formirovaniии sovremennoj modeli social'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiija Meksiki. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora politicheskikh nauk [A Factor of Democratization in the Formation of the Contemporary Mexico's Model of Socio-Economic and Political Development: A Doctoral Thesis]. Moscow, Russian Academy of Management, 1992, 467 p. (In Russ.).]
16. Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М., ИЛА РАН, 1999, 283 с. [Borovkov A.N., Sheremet'ev I.K. Meksika na novom povorote ekonomiceskogo i politicheskogo razvitiya [Mexico at the New Turn of Economic and Political Development]. Moscow, ILA RAS, 1999, 283 p. (In Russ.)].
17. Crespo J.A. La evolución del sistema de partidos en México. *Foro internacional*, 1991, vol. 31, N 4, pp. 599-622.
18. Woldenberg J. *Historia mínima de la transición democrática en México*. México, El Colegio de México, 2012, 150 p.
19. Torres Real R.U. La reforma política de 1977 y su contribución al estudio de la ciencia política en México. *Acta Republicana: Política y Sociedad*. Guadalajara, 2021, Año 20, N 20, pp. 25-32.
20. Carr B. La Izquierda mexicana a través del siglo XX. México, Ediciones Portua, 1996, 423 p.
21. Modonessi M. La crisis histórica de la izquierda socialista mexicana. México, Casa Juan Pablos, 2003, 191 p.
22. Rodríguez Araujo O. Las Izquierdas en México. México, Grupo Editor Orfila Valentini, 2020, 187 p.
23. Боровков А.Н. Россия–Мексика: исторические параллели в отношениях двух стран. *Латинская Америка*. М., 2020, № 11, сс. 52-66 [Borovkov A.N. Rossiya – Meksika: istoricheskie paralleli v otnoshenijah dvuh stran [Russia–Mexico: Historical Parallels in Bilateral Relations]. *Latinskaja Amerika*. Moscow, 2020, N 11, pp. 52-66 (In Russ.)].
24. Мексика: политика, экономика, культура (под ред. А.Ф.Шульговского). М., Наука, 1968, 354 с. [Meksika: politika, jekonomika, kul'tura (pod red. A.F.Shulgovskogo) [Mexico: Politics, Economy, Culture]. Moscow, Nauka, 1968, 354 p. (In Russ.)].
25. Jeifets V.L. De la dependencia a la (des) obediencia: las relaciones entre el Partido Comunista Mexicano y el Partido Comunista de la Unión Soviética durante la Guerra Fría. *Izquierdas*. Santiago, 2023, agosto, N 52, pp. 1-30.
26. Визгунова Ю.И. Социалистическая народная партия и новые левые организации Мексики. *Латинская Америка: Научно-информационный бюллетень*. М., 1981, № 74 (5), сс. 113-126 [Vizgunova Ju.I. Socialisticheskaja narodnaja partiya i novye levyye organizacii Meksiki [The Popular Socialist Party and Mexico's New Left Organizations]. *Latinskaya Amerika: Nauchno-informacionnyj bjulleten*. Moscow, 1981, No. 74 (5), pp. 113-126 (In Russ.)].
27. Movimientos armados en México, siglo XX. En 3 volúmenes. Vol. 2 / ed. Verónica Oikión Solano, Marta Eugenia García Ugarte. Zamora, el Colegio de Michoacán, CIESAS, 2009, 313 p.
28. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5, оп. 63, д. 727 [Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)]. F. 5, op. 63, fold. 727].
29. Лапшев Е.Г. Некоторые итоги внешней политики правительства Л. Эчеверрии в Мексике. *Латинская Америка: Научно-информационный бюллетень*. М., 1975, № 41, сс. 10-43 [Lapshev E.G. Nekotorye itogi vneshej politiki pravitel'stva L. Echeverrii v Meksike [Some Results of the Foreign Policy of Luis Echeverria's Government in Mexico]. *Latinskaya Amerika: Nauchno-informacionnyj bjulleten*. Moscow, 1975, N 41, pp. 10-43 (In Russ.).]

30. РГАНИ. Ф. 5, оп. 59, д. 932 [RGANI. F. 5, op. 59, fold. 932].
31. Cedillo Cedillo A. *El fuego y la palabra. Historia de las Fuerzas de Liberación Nacional (1969–1974)*. México, UNAM, 2008, 497 p.
32. РГАНИ. Ф. 5, оп. 68, д. 2150 [RGANI. F. 5, op. 68, fold. 2150].
33. Визгунова Ю.И. Проблемы единства демократических и антиимпериалистических сил в Мексике. *Латинская Америка: проблемы единства демократических и антиимпериалистических сил, часть 2* (отв. ред. А.Н. Глинкин). М., Институт Латинской Америки АН СССР, 1974, сс. 61-88 [Vizgunova Ju.I. Problemy edinstva demokraticeskikh i antiimperialisticheskikh sil v Meksike. [[The Problems of Unity of Democratic and Anti-imperialist forces in Mexico]. *Latinская Amerika: problemy edinstva demokraticeskikh i antiimperialisticheskikh sil, chast' 2*]. Moscow, ILA, 1974, pp. 61-88 (In Russ.).
34. Энкарнасьон Перес Х. Какая свобода необходима Мексике. *Проблемы мира и социализма*. Прага, 1976, № 7, сс. 25-28 [Encarnación Pérez J. Kakaja svoboda neobhodima Meksike [What Kind of Freedom Does Mexico Need]. *Problemy mira i socializma*. Prague, 1976, N 7, pp. 25-28 (In Russ.).
35. José López Portillo. Discurso de Protesta como Presidente. 1 de diciembre de 1976. *Discursos Presidenciales de Toma de Posesión*. Available at: <https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/6/2720/4.pdf> (accessed: 16.08.2024).
36. H. Congreso de la Unión. Cámara de Diputados. La Ley Federal de Organizaciones Políticas y Procesos Electorales. 31 de diciembre de 1977. Available at: <https://cronica.diputados.gob.mx/Iniciativas/55/167.html#:~:text=La%20Ley%20Federal%20de%20Organizaciones,los%20medios%20masivos%20de%20comunicación> (accessed: 20.08.2024).
37. H. Congreso de la Unión. Cámara de Diputados. La Ley de Amnistía. 23 de septiembre de 1978. Diario Oficial. Available at: https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/abro/lamn78/LAmn78_orig_28sep78_imagen.pdf (accessed: 20.08.2024).
38. Peñaloza Torres A. El aniquilamiento de la disidencia armada en marco de la reforma política en México. El caso de la Liga Comunista del 23 de septiembre. *Cuicuilco. Revista de Ciencias Antropológicas*, México, 2018, N 71, pp. 159-179.
39. РГАНИ. Ф. 5, оп. 73, д. 1844 [RGANI. F. 5, op. 73, fold. 1844].
40. El Partido Comunista frente a la crisis actual. XVIII Congreso Nacional. México, Partido Comunista Mexicano, 1977, 72 p.
41. Martínez Verdugo A. Crisis política y alternativa comunista. México, Ediciones Cultura Popular, 1979, 286 p.
42. *Правда*. М., 15.VIII.1978 [*Pravda*. Moscow, 15.08.1978] (In Russ.).
43. РГАНИ. Ф. 5, оп. 76, д. 1219 [RGANI. F. 5, op. 76, fold. 1219].
44. Gómez Tagle S. Las estadísticas electorales de la reforma política. México, El Colegio de México, 1990, 370 p.
45. *Правда*, М., 31.V.1979 [*Pravda*, Moscow, 31.05.1979] (In Russ.).
46. Чумакова М.Л. К вступлению Х. Лопеса Портильо на пост президента Мексики. *Латинская Америка: Научно-информационный бюллетень*. М., 1977, № 50, сс. 152-165 [Chumakova M.L. K vstupleniju H. Lopesa Portil'o na post prezidenta Meksiki [On the Inauguration of José López Portillo as President of Mexico]. *Latinskaya Amerika: Nauchno-informacionnyj bjulleten*. Moscow, 1977, N 50, pp. 152-165 (In Russ.).
47. Мексика: перспективы развития. *Латинская Америка*. М., 1977, № 2, сс. 140-158. [Meksika: perspektivy razvitiya [Mexico: Prospects of Development]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 1977, N 2, pp. 140-158 (In Russ.).
48. Интервью с министром внутренних дел Мексики Хесусом Рейесом Эролесом. *Латинская Америка*, М., 1979, № 3, сс. 153-155 [Interv'ju s ministrom vnutrennih del Meksiki Hesusom Rejesom Jerolesom [An Interview with Mexico's Minister of Internal Affairs Jesús Reyes Heroles]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 1979, N 3, pp. 153-155 (In Russ.).
49. Борисов А.Ю. Мексика в преддверии 80-х годов. *Латинская Америка*. М., 1979, № 3, сс. 121-130 [Borisov A.Ju. Meksika v preddverii 80-h godov [Mexico on the Threshold of the 1980s]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 1979, N 3, pp. 121-130 (In Russ.).
50. Пестковская Е.С. Мексика: время ответственных решений. *Латинская Америка*. М., 1984. № 1, сс.23-42 [Pestkovskaja E.S. Meksika: vremja otvetstvennyh reshenij [Mexico: the Time for Responsible Decisions]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 1984, N 1, pp. 23-42 (In Russ.).

51. Государственно-правовые проблемы стран Латинской Америки. Сборник научных трудов. М., Издательство Университета дружбы народов, 1988, 133 с. [Gosudarstvenno-pravovye problemy stran Latinskoj Ameriki. Sbornik nauchnyh trudov [Problems of State Law Regulation in Latin American Countries. A Compendium of Academic Works]. Moscow, Peoples' Friendship University, 1988, 133 p. (In Russ.).

Alexey A. Manukhin (warcraftdouble@yandex.ru)

Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Leninski prospect 32a, 119034 Moscow, Russian Federation

Political renewal amidst economic crisis. The Soviet diplomats and academics' view of Mexico in the 1970s

Abstract. The article examines the perception of political transformation in Mexico in the 1970s. by the officials of the Ministry of Foreign Affairs and the academic community of the USSR. Soviet analysts sought to understand the state of the dominant Institutional Revolutionary Party and its motives for carrying out electoral reforms. The work shows that an important object of research was tracking the possible strengthening of opposition from the right to the national reformist course of the *PRI*. The emergence of new parties and their tendency to unite was initially viewed with skepticism, as it was seen as leading to a “dispersion of progressive forces” and an even greater weakening of the Mexican Communist Party. However, the *PCM*'s ability to benefit from the government course, revise its own attitudes, and get closer to other left-wing parties and public organizations gradually changed Moscow's position. At the same time, Soviet observers tended to somewhat downplay the political changes in Mexico that had been achieved by the early 1980s.

Key words: Mexico, USSR, Latin America, 1970s, parties, the Left, political reform, economic development.

DOI: 10.31857/S0044748X24120058

Received 22.05.2024.